

Р.Р. Рахимов

ПУТИ К СВЯТЫНЕ В ТЕСНИНЕ ГОР

Принимаясь за написание предлагаемой статьи, я первым делом оглядываюсь назад — к началу 30-х годов XX в., когда Н.А. Кисляков исследовал этот высокогорный объект мусульманского культа [Кисляков 1934: 181–189]. Интересующий меня *мазор* / *мазар* («место паломничества и поклонения») *хазрат* 'а («святой») Бурха Н.А. Кисляков рассматривал в аспекте, как он подчеркивает, «описания эксплуататорской экономики, выросшей на основе почитания святости Бурха» [Там же: 186]. Конечно, избранный тогда молодым исследователем угол зрения в оценке практики паломничества к этому мазару был продиктован актуальным в его время классовым подходом в гуманитарных науках. Но это несколько не умаляет значимость работы Н.А. Кислякова. Он прекрасно понимал важность исследования данного объекта культа в аспекте религиозной практики местного населения.

Совершенно очевидно, что разбор многообразных сюжетов, в том числе и маршрутов к интересующему меня объекту культа, невозможен без учета сведений, содержащихся в публикации Н.А. Кислякова. Обращаясь к этой теме, я предпринимаю попытку сравнить данные этого исследователя, относящиеся к идейным основам, определившим облик самого комплекса мазара, с тем, что он представляет собой в наше время.

Центральный вопрос — какие мотивы души заставляют верующего мусульманина отправляться паломником в каменные теснины гор, где берет свое начало река Оби Мазор — основной приток¹ Хингоу, которая, сливаясь с рекой Сурхоб, дает начало реке Вахш — одному из двух мощных рукавов Аму-Дарьи. Для его решения нужно обратиться к мифологии эпонима мазара.

¹ Второй приток реки Хингоу, который протекает вдоль хребта Петра I, справа от него, именуется *Арзинг*. Оби Мазор и Арзинг сливаются западнее селения Сангвор.

Соответственно обращение к фольклорной традиции, в фокусе которой рассказы о ритуальном комплексе, преследует цель привлечения некоторых легенд и преданий о святом Бурхе в дополнение к тем, что зафиксированы Н.А. Кисляковым. Опираясь на имеющиеся рассказы о мусульманском хазрате, я в первом приближении коснусь некоторых граней представлений таджиков о формировании культа Бурха, с которым связан исследуемый мазар. По ряду признаков, сюжет представляет интерес как пример интегрирования элементов языческих религиозных практик в живую ткань культа святых в исламе, нормы и принципы которого таджики исповедуют с VIII в.

Насколько известно, интересующее нас место поклонения в практике паломничества в центрально-азиатском исламе русскоязычному читателю известно в основном благодаря названной работе Н.А. Кислякова. Легенда об эпониме данного сакрального места, зафиксированная им, с весьма незначительными изменениями вошла также в «Сказки и легенды горных таджиков» [Сказки и легенды... 1990: 195–19]. О.А. Сухарева установила, что рассказ о святом Бурхе известен и в Бухаре [Сухарева 1960: 46–47]. Из монографии В.Н. Басилова, который уделял много внимания анализу этого образа, мы узнаем, что под именем *Буркут-девана* («Буркут-одержимый / юродивый, бесноватый») герой фигурирует также в верованьях и легендах туркмен [Басилов 1970: 25–40; 1991: 195–196]. Некоторая информация на тему о святом Бурхе накоплена таджикскими исследователями [Яькубов 2001: 31–42]. Интерес представляет также публикация на эту тему в «Джойхои мукаддаси Тоджикистон» [Джойхои... 2005: 27–31]. Об интересующем нас мазаре имеется публикация и в Интернете [Сазонов 2007: 1–5]. Во время второго моего посещения святыни Бурха в 2008 г. ее настоятель Шокир Зокири любезно подарил мне книгу таджикского исследователя Абдумалика Шехова, посвященную хазрату Бурху [Шехов 2006]. Несмотря на небольшой объем, она содержит много интересных сведений о мифологии Бурха.

Как видно, историография рассматриваемого вопроса вполне достаточна. Опубликованные о хазрате работы дают ясное представление о его образе как странника, юродивого, чудотворца, а также хозяина облаков и дождя. Не достает только попытки анализа мифа в ключе его «историзации». Все это — задача дальнейших исследований о святом. Представленная работа призвана дать представление об основных маршрутах к интересующему нас ритуальному комплексу.

1. Путь к мазару: поездка 2007 г. У таджиков существует поговорка, которая в русском переводе звучит так: «Задуманное дома не совпадает с реальностью цен на рынке». Это в том смысле, что человек из

какого-нибудь отдаленного района отправляется в город, предположим в Самарканд, чтобы там, на городском базаре приобрести необходимые для семьи вещи. У него все рассчитано: денег столько, сколько нужно для намеченной покупки. Но, прибыв в город, он узнает, что цены там совершенно другие, нежели семья предполагала: по сравнению с тем, что было в прошлый раз, они сильно выросли. Тогда человек отказывается от задуманных покупок и возвращается домой, как говорится, с пустыми руками. Жена спрашивает, что он привез. А муж отвечает: «Задуманное дома не совпало с реальностью цен на рынке».

Моя ситуация во время полевых исследований в 2007 г. в Республике Таджикистан (РТ) развивалась по другому сценарию. Отправляясь в эту страну, я вовсе не планировал посещение мазара святого Бурха. Причин тому было несколько. Прежде всего дорога в эту горную область дальняя. Она трудная и затратная как в смысле расходов, так и в смысле времени. «К тому же, — думал я, — этому мазару посвящена работа Н.А. Кислякова. Так что при необходимости нужные сведения можно почерпнуть у него, а время использовать для поездки в другие районы, менее затратные». Но *реальность рынка* преподнесла «цены», о которых можно было только мечтать!

После возвращения в Фархар из поездки в мазар хазрата имама Хасана Аскара [Рахимов 2008: 96–112], ходжи Биби Муродой (сестра автора) сказала, что она хотела бы вместе с сыном ходжи Бахтиёром совершить поездку в мазар святого Бурхи Абдали Вали и как бы между прочим спросила, не хочу ли я присоединиться к ним. Складывалось впечатление, что сестра все это устраивает ради моих целей. Кроме того, она понимает, что и Бахтиёр согласится на эту поездку из-за интереса, который он, как верующий, проявляет к культуре святых. Так или иначе, грех было не воспользоваться предложением ходжи Биби.

Но проблема в том, что статью Н.А. Кислякова я читал очень давно. По прошествии десятилетий многие ее детали стерлись из моей памяти. «Поэтому, — размышлял я, — без учета данных, изложенных Николаем Андреевичем, результативность этой поездки в далекую горную область будет невелика». Когда я сказал об этом сестре, она заявила: «Ну, ради такого дела один раз можно оставить Ваши научные интересы. Поедем туда как паломники! Это нисколько не повредит Вашей науке!» После некоторых раздумий я согласился на поездку, но попросил сестру повременить, пока я не съезжу в северные районы на Зеравшане и в Ферганской долине. Она сказала, что это ее вполне устраивает.

Я съездил в Горную Матчу, Исфару и Пенджикент для продолжения полевых изысканий по культуре святых. Спустя полтора месяца

ходжи Биби приехала за мною в Пенджикент вместе с Бахтиёром, преодолев 500 км. И мы отправились в далекую горную область на юго-востоке РТ.

Какова протяженность предстоящего пути? «Ну вот, считайте, — говорит ходжи Биби. Дорога Пенджикент-Душанбе, с учетом отклонения от маршрута для посещения мазара святого ходжи Санг-Хока в верховьях Варзобдарьи, составляет 300 км. И там — от Душанбе до святыни Бурха — 200–300. Всего где-то 630 км». Я сослался на информацию человека из Пенджикента, который уверял меня, что расстояние от Душанбе до святыни Бурха — около 200 км. Он недавно ездил в Хорог — центр Горно-Бадахшанской автономной области РТ — через Тавильдару. Мазар, как он говорил, находится немного в стороне от пути в Хорог на территории Тавильдаринского района. Не верить ему не было оснований. Но, как выяснилось потом, его информация была неверной.

На протяжении всего пути из Пенджикента в Душанбе мы больше не возвращались к этому разговору. Проехали по совершенно разбитой высокогорной дороге через Анзобский перевал на высоте около 3700 м. Эта трасса определяла лишь направление движения. В настоящее время там прокладывается современная автострада с весьма сложными искусственными сооружениями. После перевала свернули к упоминавшемуся месту паломничества и поклонения хазрату ходжи Санг-Хока (о нем я напишу отдельно) и к вечеру приехали в Душанбе. Решено было переночевать в Душанбе, а в путь отправляться, не торопясь, на следующий день.

Ближе к полудню мы выехали из Душанбе в Тавильдару. Едва проехали райцентр Вахдат (около 20 км от Душанбе), как Бахтиёр прижимается к обочине. Ходжи Биби Муродой выходит из машины и направляется к инспектору ГИБДД, чтобы спросить про расстояние до святыни Бурха. Довольная, она возвращается и говорит: «120!» Но наша радость длилась недолго: в следующем райцентре — в Файзабаде — нам говорят, что впереди еще 280–300 км пути. Впереди город таджикских энергетиков Рогун. До него (немногим более 70 км от Душанбе) мы проехали быстро и легко благодаря прекрасному асфальтному покрытию, уложенному китайцами. Работник милиции, который стоит на развилке, указывает нам на старую дорогу через Рогун, а на наш вопрос, сколько ехать до мазара святого Бурха, отвечает коротко: «300!»

Продолжая движение, мы обращались почти ко всем встречным с одними и теми же вопросами о расстоянии до нашей цели. В ответ нам называли цифры, которые колебались от 80 до 380 км. Мы ломали головы над тем, почему люди дают нам столь противоречивые сведения.

Поселок Тавильдара — в стороне от нашего пути. Он на 190-м км от Душанбе на левом берегу Хингоу, а нам, как выяснилось, ехать по правому берегу прямо, не заезжая в райцентр. Поскольку объект нашего интереса относится к этому району, мы рассчитываем достоверную информацию о расстоянии до него получить здесь. Выясняется, что нам предстоит ехать еще 120–130 км. Конечно, мы помрачнели. Было из-за чего расстраиваться: нам говорили, что для нашей машины дорога чрезвычайно сложная. Люди вообще относились скептически к нашим планам, считая, что мы не доберемся до цели.

Расстроенные, мы стали анализировать расхождения в сведениях о расстоянии до усыпальницы святого Бурха. Оказалось, что неточность исходила от меня. Конечно, пенджикентский знакомый, на сведения которого я опирался, подразумевал расстояние от Душанбе не до мазара, а лишь до Тавильдары, через которую он проезжал, отправляясь в Хорог. Он ошибочно полагал, что место паломничества и поклонения находится где-то недалеко от райцентра, почему и называл расстояние в 200 км. Оказалось, что это далеко не так. Когда в кишлаке Лангари Поён, находящемся недалеко от Тавильдары, как уже говорилось, на противоположном (правом) берегу Хингоу, подтвердили, что до нашей цели еще 120 км, стало ясно, что наиболее точной была информация, которой располагала ходжи Биби Муродой. Она включала расстояние от Душанбе до Тавильдары плюс расстояние от Тавильдары вдоль Хингоу до мазара мусульманского святого. В целом это составляет примерно 330 км. Стало ясно и другое: неточность информации, которую давали нам люди, была связана еще и с тем, что мы сами, задавая этот вопрос, ее допускали. В одном случае мы, называли расстояние до Тавильдары, в другом — до мазара святого Бурха, полагая, что это примерно одно и то же. Мы просто отождествляли эти места, в то время как люди, к которым мы обращались с вопросами, разграничивали их.

Когда все прояснилось, мы вынуждены были пересмотреть первоначальные планы. Решено было переночевать в Лангари Поёне, куда мы приехали поздно, около 22 часов, и продолжить путь на следующий день рано утром. Закусив и переночевав в придорожном ночлежном доме, мы тронулись дальше в четыре часа утра. Часа 2,5–3, т.е. километров 25, проехали, когда было еще совершенно темно. В свете фар едва виднелись контуры грунтовой дорожной полосы с огромными камнями, буграми и ухабами. Ехать по такой дороге — нелегкое испытание. Скрежет днища, когда машина наезжает им на камень, бесконечный стук, рев мотора на крутых подъемах — описание всего этого ужаса заняло бы много страниц. Довольно часто проезжали шумные речки, как говорит-

ся, вслепую, не зная глубины каменистого дна. Нередко нам с сестрой приходилось выходить из машины и долго идти пешком, чтобы уменьшить нагрузку; приходилось и толкать ее.

Конечно, в таких условиях было не до любования окружающей природой. Только доехать бы до мазара! А пока с каждым километром дорога становилась все труднее из-за бесконечных ухабов, колдобин, бугров, камнеломов, каменных осыпей и речек, что лишало нас надежды на достижение задуманного. Мы хотели нанять машину с большей проходимостью, но взять ее было негде.

Наконец мы переезжаем Арзинг и оказываемся на левом его берегу. Еще немного, и на нашем пути оказывается кишлак Сангвор у оконечности хребта Петра I. Я вспоминаю, что с Сангвором связана научная и педагогическая деятельность Н.А. Кислякова. В 1932 г. в его личной жизни происходит важное событие. Тогда в Таджикистане работала Таджикская комплексная экспедиция АН СССР. В составе ее социально-экономической группы работала тогда еще студентка ЛГУ Анна Зиновьевна Розенфельд (1910–1990) — будущий иранист, лингвист, литературовед, этнограф и фольклорист, доктор филологических наук, профессор кафедры иранской филологии ЛГУ. Н.А. Кисляков познакомился с ней, а когда отряд Таджикской комплексной экспедиции (им руководил С.М. Абрамзон) закончил работы, молодые люди решили пожениться. В сентябре того же года близ Тавильдары (в к. Язганд) состоялась свадьба Н.А. Кислякова с А.З. Розенфельд. После этого события молодожены уехали в Сангвор, где проработали до июля 1933 г. учителями в новой школе-семилетке и на курсах ликбеза для взрослых [Кисляков, Решетов 2002: 109–110; см. также: Писарчик 1989: 6–7].

Конечно, живя в Сангворе, Н.А. Кисляков не мог не слышать рассказы о месте паломничества и поклонения святому Бурху в 25 км от этого селения. Наверняка он видел паломников, пусть тогда немногочисленных (из-за так называемого басмаческого движения в долине р. Хингоу), направляющихся на *зиёрат* (совершение паломничества и поклонения) к этому мазару. Рассказы местного населения об одном из высокогорных мазаров и наблюдения за паломниками, направляющимися к нему (у них не было иного пути, кроме как через Сангвор), конечно, возбуждали живейший интерес Николая Андреевича. О сведениях, полученных молодым Кисляковым из рассказов местного населения о святом Бурхе, и результатах его поездки из Сангвора к объекту мусульманского культа мы уже знаем. Они отражены в упоминавшейся выше работе, опубликованной им без малого 75 лет тому назад.

Коротко нужно сказать о пути, ведущем из Сангвора к мазару хазрата Бурха. Он отличается от того, по которому следовал Н.А. Кисляков, направляясь в существовавший тогда одноименный с мазаром святого Бурха кишлак Хазрати Бурх [Кисляков 1934: 181]. Современные паломники, как правило, ночуют в Сангворе, а в 25-километровый путь к мазару отправляются утром следующего дня вместе с таксистами, обслуживающими их на участках пути от канатного моста через р. Оби Мазор до святыни. При этом до первого «таксопарка» (пояснение — немного ниже) таксисты следуют пассажирами на транспорте паломников.

Обстоятельства заставили нас избрать другой вариант, а именно, несмотря на позднее время, продолжить движение. Отъехав от Сангвора километра три, мы увидели встречную «Ниву». Она шла на подъем, а мы — на спуск. Правила движения обязывали нас уступить дорогу. Остановились, прижавшись к самому краю, за которым — бездна.

Поравнявшись с нами, «Нива» остановилась, из нее вышел молодой человек, который представлялся как Кудратулло. «Тезка нашего деда по матери», — мелькнула у меня мысль. Выясняется, что Кудратулло — таксист, обслуживает паломников на 15-километровой участке за канатным мостом. Это его бизнес: утром с первыми паломниками (на их транспорте) он едет на работу, а вечером с последними возвращается домой в Сангвор.

Наш выбор ограничен: либо мы забираем таксиста назад и, возвращаясь после зиёрата, доставляем его в Сангвор, либо поворачиваем обратно и по правилу, заведенному им, переночуем у него дома, а на следующий день выедем в мазар вместе с ним. После некоторых раздумий, мы выбрали первый вариант: ехать вперед, забрав таксиста с собой. Конечно, риск большой. Машина может не выдержать такую нагрузку. Таксист, заметив нашу растерянность, говорит: «Ну, там, где невозможно, будем выходить, оставляя в салоне одного лишь водителя». При этом Кудратулло ставит условие — вернуться в Сангвор сегодня же. На том и договорились.

Конечно, ехать очень тяжело. Было время, когда мы раздумывали, какие бы вещи выбросить как лишние. В последнем селении на пути к мазару, состоящем буквально из нескольких домов, Кудратулло просит остановиться. Он быстро идет к домику недалеко от дороги и возвращается с полной канистрой горючего. Таксист устраивает ее у себя в ногах, говоря: «Иначе нам не доехать до хазрата». Ясно, этот бензин потребуется после канатного моста, когда мы продолжим путь на транспорте уже из его «автопарка». На нашей машине этого сделать нельзя. Если с

ней что-нибудь случится, то никто в этих глухих местах нам не поможет. Пришлось бы проститься с ней навсегда и возвращаться как минимум до кишлака Лангари Боло пешком, а это более 70 км от мазара. Об изолированности этих мест свидетельствует тот факт, что на протяжении почти 120 км от Лангари Поён, где мы ночевали, до встречи с Кудратулло, нам попало всего четыре машины: две, легковые, встречные, и две, в том числе одна грузовая, попутные.

Мы благодарили небесные силы за то, что случай помог нам встретить в пути таксиста Кудратулло. Не известно, что было бы с нами без него. Ясно одно: в таком случае поиски мазара заняли бы не один день. Возможно, мы и вовсе не достигли бы цели. До канатного моста, может быть, как-нибудь и добрались бы. А вот что было бы дальше...

Это выяснилось после канатного моста, когда нам пришлось преодолеть 15-километровый путь через огромное царство сплошных камней и расколотых скал. В этих местах, как говорят таджики, «даже ворона не видать». Правда, был случай, когда мы наткнулись в узком пространстве между берегом реки и зарослями облепихи на стадо коров, которые паслись без пастуха. Для меня до сих пор остается загадкой, как они могли оказаться в этих местах. Увидев нас, животные шарахнулись в сторону так, как будто их преследует хищный зверь, — так они одичали!

С большим трудом (кто вброд, кто в салоне машины) перебираемся через речку, не доежая до Оби Мазор. Ехать дальше практически невозможно из-за слишком больших, характерных для высокогорного района камней. Машину оставляем здесь. Направляемся к канатному мосту пешком. Это немногим более километра пути. Тяжелая канистра с бензином переходит то к Бахтиёру, то к Кудратулло. Переходим канатный мост длиной метров 40. Его основу составляют еле «живые» и местами сломанные и провалившиеся тоненькие доски толщиной 15 мм. Переходим по мосту гуськом. Он раскачивается из стороны в сторону почти как качели.

Следующий участок пути — до первого «таксопарка» Кудратулло — тоже пеший. Там в кустах облепихи стоит старенький УАЗик. «Есть еще один, — поясняет Кудратулло. — Но он в другом месте. Не заводится». Выясняется, что аккумулятор исправного УАЗика отсоединен и на всякий случай спрятан напарником Кудратулло где-то в кустах. Казалось бы, какие тут могут быть опасения! Угонять машину некуда: реку не переехать, в горы не забраться. После долгих поисков он был найден. Но машина не заводится. Стоило многих трудов, чтобы с помощью заводной ручки запустить двигатель.

Проехали всего около двух километров. Далее дороги нет. Значит, нужно выходить из машины. Впереди широкая полоса (3,5 км) громадных обломков камней и скал. Переходим ее, блуждая меж них. Этот участок пути занимает 30–35 мин. А там остается восемь километров до мазара. На этом участке в нашем распоряжении другой УАЗик. Водитель — тот же Кудратулло. Начиная выруливать, он говорит: «Повторяю: отсюда до хазрата — восемь километров. Засекайте время: сорок пять минут, и мы там, на месте! Скорость — примерно 5,5 км/час».

Это надо видеть: УАЗик скачет как горный козел — со скалы на скалу. Нас бросает то вверх, то из стороны в сторону. Хозяин машины говорит, что в разгар сезона паломничества, т.е. обычно в летнее время, он старается не сажать в машину более десяти человек. Но это бесполезно. В салон садится десять человек, а еще три-четыре паломника умудряются цепляться к машине по бокам.

Интересно, как Кудратулло формирует свои «автопарки» из этих «козликов». Их всего четыре: две по одну сторону указанного выше каменного завала, две — по другую. Они перевозятся сюда, на правый берег р. Оби Мазор, на «Урале» в начале сезона паломничества, когда уровень воды еще не слишком высок. Здесь они остаются и обслуживают пилигримов (работают два водителя) до конца сезона, т.е. до осени. Затем машины таким же образом перевозятся обратно, откуда уже своим ходом возвращаются в Сангвор.

Теперь я расскажу еще о втором маршруте к святыне Бурха.

2. Путь к мазару: поездка 2008 г. Предпринимая повторную поездку к святыне Бурха уже по новому маршруту, я преследовал следующие цели: а) посетить мазар ходжи Алоу-ад-Дина в уже знакомом читателю селении Лангари Боло, находящемся на пути к гробнице хазрата Бурха; б) подойти близко к роднику *sayd* — одному из почитаемых объектов, составной части комплекса мазара святого Бурха, по ледниковому «мосту» через реку Оби Мазор; в) проверить и уточнить некоторые сведения, зафиксированные мною в 2007 г.

Маршрут был определен так: «Душанбе — Пархар — Куляб — Ховалинг — Шигноу», далее — по прошлогоднему маршруту: «Тавилдара — святыня Бурха», через кишлак Лангари Боло.

В Пархаре (сегодня в РТ это название пишется как *Фархар*) меня ждали мои проводники — сестра ходжи Биби Муродой и другой «пилот», брат ходжи Бахтиёра Зафар. И машина другая — «Мерседес». Детально обсудив план поездки, мы решили, что поедем до поселка Ховалинг (он расположен в 150 км от Пархара), а там арендуем машину, обладающую достаточной проходимостью для горных дорог. Реальность

такого проекта вызывала у меня некоторое сомнение. Но сестра, как всегда, была настроена оптимистически. Как выяснилось, ее оптимизм оказался оправданным.

Случилось так, что в Ховалинг мы приехали почти перед заходом солнца. Сестра позвонила своим знакомым — следователю местного отделения милиции (родственнику ее мужа) и начальнику ГИБДД (он родом из Пархара). Они нашли какой-то УАЗик, договорились с его водителем, вернее обязали его за символическую плату довести нас до мазара святого Бурха и обратно. Это 420 км. Когда все вопросы были согласованы с водителем, следователь сказал: «Пока он будет заправляться, поехали ко мне на чашку чая. Жена будет рада вам». Действительно, хозяйка приняла нас очень радушно. К *дастархон* 'у/дастархану (род скатерти, на которой раскладывается угощение) было подано обильное угощение. Создалось такое впечатление, что семья ждала нашего приезда, хотя о возможности такой встречи никакого разговора не было.

Супруги настойчиво просили нас остаться переночевать у них и отправиться в путь на следующий день. При всем желании это никак не входило в наши планы. Поэтому мы откланялись, пообещав, что воспользуемся гостеприимством этой семьи, когда будем возвращаться. «Какие могут быть сомнения, — успокаивала сестра гостеприимных супругов, — машина-то наша остается здесь. Мы в любом случае заедем за ней! Тогда и переночуем у вас».

Я наблюдаю происходящее и в какой-то момент ловлю себя на мысли, что на Востоке принимать гостей и оказывать им необходимое внимание равносильно выполнению религиозных обязанностей. Недаром таджики говорят: *мехмон расули худ*, т.е. «гость — посланник Бога». По этому поводу существует также много легенд и преданий. Это понятно, потому что для таких простых людей, как эти супруги, принимать гостей, да еще из дальних краев, — в глазах окружающих показатель значимости семьи, ее достатка.

Отъехали от Ховалинга всего несколько километров, и уже стало ясно, какие муки ожидают нас впереди. Из-за крутизны подъема обороты двигателя постепенно нарастают. Когда-то этот участок дороги был с асфальтовым покрытием. Теперь от него остались одни ухабы да селевые заносы, сплошь из камней. До верхней точки перевала еще далеко, а уже стемнело. Вскоре Ховалинг внизу погрузился в ночную тьму. Видны лишь тускло мерцающие огоньки. Еще немного — и огоньки исчезли, оставшись по другую сторону горного перевала. В свете фар я вижу, как крут спуск. Машину бросает во все стороны, как игрушку на волнах реки: одно колесо насакивает на один камень, второе — на другой.

Я молил Бога, чтобы он оберегал нас от дождя, частого в этих местах, иначе мы погибнем в первом же селевом потоке. «Вниз-то едем, а как обратно — вверх? Хватит ли силы у машины и мастерства у Вас?» «Насчет мастерства не знаю, что касается машины, силы у нее вполне достаточно. Бог милостив!» — успокоил меня водитель. Забегая вперед, замечу, что мне приходилось много раз наблюдать, как он управляет машиной на крутых каменистых подъемах. «Как Вас зовут?» — спрашиваю у «пилота». «Кулоб» — отвечает он. «Как?» — недоумеваю я. — «Я спрашиваю про Ваше имя, а не про название вашего областного центра». «Да, родители нарекли меня именем, совпадающим с названием нашего областного центра — Кулоб». «Кулоб, Вы часто ездите по этой дороге?» Весь сосредоточенный, с устремленным вперед взглядом, неустанно и резко крутя баранку, он отвечает быстро: «В этом году это первая поездка. В прошлом году ездил трижды. Паломников вез».

«Надо же, ни одной встречной или попутной машины» — вырвалось у меня. Видимо, моя наивность не ускользнула от внимания Кулоба. Он произнес: «Гм! Дураки, что ли? К тому же, много ли в наших местах вы найдете машин, способных ездить по таким дорогам? Машин с такой проходимостью, как моя, в наших краях — единицы. Вы знаете, мы с ней почти ровесники. Ее двигателю 23 года. Я думаю, что эта старушка еще долго будет жить, служа источником существования моей семьи». «Кулоб, — обращаюсь я к водителю, — Вы могли бы отказаться от этой поездки, сказав начальнику ГИБДД и следователю милиции: “Нет”?». На это он ответил так: «Конечно, нет. Вы это понимаете. Но за деньги, которые вы мне даете при расстоянии 420 км, да по таким дорогам! Согласитесь, это кабальные условия! Этих денег не хватит даже на бензин». «А сколько Вы бы хотели получить?» — спросила сестра. «Ну, хотя бы дополнительных 100 долларов». «Ладно, — успокоил я его. — Считайте, что они у Вас уже в кармане».

Когда в очередной раз меня резко бросило сначала вверх и тут же вправо, я подумал: «Дай Бог, чтобы муки, которые я испытываю, возместились помощью святого Бурха в достижении моих целей посещением его святыни! Того же я желаю и моим добровольным проводникам». Хазрат Бурх словно услышал мою молитву, что видно было из слов водителя. Зная, что ночью мы, кроме узкой дорожной полосы, ничего вокруг не видим, он, бывалый, сказал: «Вот и конец первого перевала. Слева река Ёхсу. Дальше, до следующего перевала, едем по долине этой реки против течения. Впереди кишлаки Зелолак, Сиёпарк, а там и Шугноу. Но пока мы в пути, все они будут в глубоком сне. Шугноу — поселок таджикских старателей».

«Интересно знать, как старатели вывозят из этих краев свою добычу». Этот вопрос я адресовал сестре и племяннику, а быстрый ответ последовал от Кулоба: «Было бы золото, а как вывозить его не проблема. Если обратно будем ехать в дневное время, то вы увидите, что ни в Шугноу, ни в его окрестностях избытком золота не пахнет. Они являют собой громадные кладбища горнорудной техники советского производства».

Мы на небольшом участке сравнительно ровного пути (сестра и Зафар дремлют на заднем сидении, просыпаясь, когда машину бросает), и я решил задать Кулобу вопрос, так сказать, по теме.

— Кулоб, скажите, пожалуйста, зачем люди совершают паломничество в святые места? Какие у них на то мотивы?

— Это тема для философствования. А я подневольный водитель, понимаете ли?

— И все же. Пусть не часто, но Вы везете паломников. Значит, как-то общаетесь с ними. Наверняка возникают разговоры о целях и намерениях, ради которых они совершают паломничество. Так как они все это объясняют, и что Вы сами думает по этому поводу? Нужно думать, Вы не только везете паломников, но и сами выполняете необходимые ритуалы. Так ради чего?

— (После некоторой паузы) Когда мы говорим «мазар», подразумеваем, что мы совершаем зиёрат к могиле святого. А кто такой святой? Он близкий к Богу. Он величина после нашего Пророка. Рангом ниже. Посредник между миром людей и Богом. Вы спросите: «А почему он, например, Бурх прославился как святой?» Отвечу: «Благодаря своей праведности. Когда верующий обращается в путь к мазару праведного, это значит, что он просит его заступничества перед Богом, например спасти его от преисподней после смерти.

Почувствовав, что Кулоб закончил изложение своих взглядов, я решил задать ему еще один вопрос.

— Объясните, почему Бурх праведный, а мы с Вами нет. Что мешает и нам быть праведными, как Вы говорите, близкими к Богу?

— Праведность относится к воле. Понимаете ли, все дело в привязанностях человека к земным благам (*нафс*). Они рождают алчность, похоть, стремление к богатству, роскоши и другим порокам. Неумный нафс — грех, он караем на том свете. Наказанием за неумный нафс служат адские муки.

— Вы пытаетесь как-то ограничивать Ваш нафс?

— Когда, например, мужчина становится мужем и отцом, он уже оказывается во власти нафса.

— Что же это получается: чтобы избежать кары Бога после смерти, человеку нужно жить жизнью дервиша, как святой Бурх, отказаться от мирских благ, от семьи и пр.? В противном случае он обречен на адские муки. Так?

— Но человек призван созидать. Это предполагает и создание семьи.

— Избрал ведь хазрат Бурх другой путь. Он отказался от созидания, объявил мирские блага бранными, предпочтя им жизнь в пещере и обрекая, таким образом, себя на добровольную смерть.

— Давайте вспомним миф, повествующий о хазрате. Он ничего не говорит о его отце. По крайней мере я не слышал об этом. Выходит, миф намекает на его непорочное зачатие. Иначе говоря, святой Бурх — сын Бога. У сына Бога умерли братья, умерла мать. Переживания их смерти как бы убеждают Бурха в непостоянстве судьбы и никчемности жизни, толкая его на жизнь созерцающего отшельника в пещере. Так я понимаю возникшую со святым ситуацию.

— Что ж, такая интерпретация вполне допустима.

— Полистайте поэтическое наследие наших классиков. Нотки о непостоянстве судьбы пронизывают творчество многих мыслителей. Например, четверостишия Хайяма. Вот одно из них:

*Шел я однажды в мастерскую гончарных дел мастера,
Увидел две тысячи кувшинов — речами наделенных, и безмолвных.
Вдруг один из кувшинов издал крик:*

Где кувшины создавший? Кувшинов покупатель? Кувшинов продавец?

Чем это не мысль о тленности мира? Ясно, что создатель, продавец и покупатель горшков у поэта — обобщенные образы трех видов человеческой деятельности, на которых покоится жизнь любого общества даже в условиях рыночных отношений. Они соответствуют трем категориям населения, которые приходят в этот мир и уходят из него.

— Все это справедливо. Но мы с Вами говорим о смысле паломничества. Так в чем смысл этой практики?

— Смысл этой практики в том, чтобы замаливать грехи, просить у святого его заступничества на том свете. Когда паломник становится перед могилой святого, это значит, что он обращается к Богу посредством духа святого. Я много раз посещал святыню Бурха. Хочется надеяться, что он слышит мои молитвы и оградит меня от адских мук.

— По Вашему мнению, где находится ад?

— Согласно Корану, ад — это бездна, где грешники будут гореть в огне, где пищей им служат горькие плоды растущего там дерева *заккум*. Многим это кажется абстрактным. На самом деле, если каждый загля-

нет в бездну своей души, то он легко почувствует, что и блаженство в раю, и муки горения в аду — внутри нас самих. И Хайям говорит, что рай и ад — это два состояния души. Это прекрасное толкование коранических текстов о рае и аде.

— Я могу согласиться с Вами. Муки, которые испытываем мы сейчас, вполне подтверждают это.

— В определенном смысле да. Но Вы знаете, чем труднее путь к святыне, тем больше надежды на то, что святой примет ваше паломничество. Следовательно, тем больше шансов на то, что ваши цели будут достигнуты, а желания — исполнены.

— От Ваших слов становится радостней на душе.

На лице Кулоба появилась широкая улыбка.

Вот так ответ на простой, казалось бы, вопрос о смысле существования института паломничества принял характер философских рассуждений водителя УАЗика.

Тем временем мы приехали в Шугноу. Кулоб вырывает вверх и забирается на площадку у какого-то длинного строения. Он оставляет машину и быстрыми шагами уходит вниз, растворяясь в темноте. Вскоре он возвращается с молодым человеком. В руках у них инструменты. Ясное дело — в машине неполадки. Мы выходим из салона. «У нас тут небольшое “интерактивное” взаимодействие, — поясняет Кулоб. — Посмотрим тормоза, затянем, кажется, они намокли; отрегулируем сцепление и амортизаторы». Завершение фразы повисает в воздухе. «И полетим дальше». На все эти операции ушло немногим более получаса, и Кулоб снова вырывает по подъему на очередной перевал.

Когда мы пересекали средний рукав реки Ёхсу, Кулоб, нарушив затянувшуюся паузу, сказал: «Когда поедем назад, конечно, если это будет при свете дня, я покажу вам мазар Шохи Хомуш («Безмолвный князь»). Он высоко в горах, у истоков Ёхсу, покрыт ледником». «Почему князь называется безмолвным?» — поинтересовался я. «Я этого не знаю».

Когда через день мы возвращались по этому пути, Кулоб пальцем указал на далеко и одиноко стоящую горную вершину, сказав: «Мазар, о котором я говорил». Место паломничества и поклонения представляет собой конической формы гору. Конус покрыт ледником. Это и родило в моей голове предположение, что под названием «Безмолвный князь» скрывается гора правильной геометрической формы, вечно покрытая ледником, который питает (это подтвердил и Кулоб) центральный рукав Ёхсу. «Вы посещали этот мазар?» — спрашиваю у водителя. «Однажды пытался вместе с тремя паломниками, но не удалось добраться

до вершины. Из-за ледника». «Вы не слышали про существование там могилы Безмолвного князя?» Ответ был коротким: «Нет». «А что тогда является там объектом почитания?» На это он ответил: «Не знаю. Во всяком случае паломники, которых я вез туда, останавливались у родника, читали там молитву, пили, черпая воду из него, и набирали ее с собой домой».

На заре и мы приехали в Тавильдару, оставив позади дорогу, которая и в страшном сне не приснится. За 10 часов проехать 90 километров пути практически без остановок! Я думаю, этого достаточно, чтобы представить себе состояние дороги на линии Ховалинг — Тавильдара. До святого Бурха еще 120 км. Этот участок пути описан мною выше.

Нужно было видеть радость нашего водителя, когда он выезжал на эту дорогу за мостом через Оби Хингоу. Он называл ее отличной дорогой, чуть ли не автострадой. Когда мы, первые посетители, сидели за чаем в придорожном строении, сочетающем элементы кафе и ночлежного дома в селении Лангари Поён, я вспоминал пройденный нами за ночь путь.

После весьма скромного завтрака отправляемся в путь к цели. Впереди кишлак Лангари Боло, до которого 70 км. До него мы доехали, как говорится, не зная горя, благодаря, по оценке Кулоба, «отличной» дороге.

Прибыв в Лангари Боло, мы остановились у мечети, при которой имеется особое помещение, известное из этнографической литературы под названием *алоухон* (букв. «помещение для общественного огня»). Оно предназначено для приема странников. Помещение довольно просторное, застлано коврами и паласами, имеются стеганые одеяла, матрасы и подушки (на случай если странник остановится здесь на ночь). В углу стоит громадных размеров самодельная печка-буржуйка для отопления алоухоны и кипячения воды в холодное время года. Она заменяет углубление в полу (*чахлак*) для разведения общественного огня, что было в обычае местного населения в прошлом. В западной стене — дверь. Она ведет в следующее, также достаточно просторное помещение для молитвы (*хонако*). Как только мы вошли в алоухону, приходит мальчик с дастарханом и кумганом, нетрудно догадаться — с чаем. Он раскладывает дастархан с лепешками на полу, ставит кумган на край скатерти, достает из ниши в стене около буржуйки чашки для чая, ставит их рядом с кумганом и говорит: «Если что нужно, дайте знать. Наш дом напротив». Ходжи Биби Муродой протягивает мальчику деньги, говоря: «Что-нибудь купишь себе». Тот отказывается со словами: «Это считает-

ся платой за услуги алоухоны. Так нельзя. У нас так не принято». И не торопясь покидает помещение.

За чаем я оглядываюсь по сторонам, и меня не покидает убеждение, что Н.А. Кисляков, не единожды побывавший в этих местах, наверняка пользовался услугами этого приюта, послужившего источником для описания им картины быта подобных общественных помещений у горных таджиков [Кисляков 1936: 115–120; 1973].

После чая мы гуськом поползли вверх на гору через густые заросли дикого винограда к мазару ходжи / хазрата Алоу-ад-Дина, который находится на высоте нескольких сот метров. К нам присоединилась группа подростков-мальчиков и одна девочка. Они несли с собой пустые баклажки, как выяснилось, для того, чтобы набрать святой воды в роднике при мазаре. Я пытаюсь узнать, для чего они употребляют эту воду. «Продаем», — последовал ответ одного из мальчиков.

— Кому?

— Паломникам, направляющимся к мазару святого Бурха. Многие из них не знают о существовании у нас святыни ходжи Алоу-ад-Дина. Вот мы и продаем им святую воду из источника при этом мазаре. Один *сомони* [10 руб. 30 коп. — Р.Р.] за баклажку.

Тропинка к мазару все время идет вверх, причем чем дальше, тем круче. Помогают кусты дикого винограда: при подъеме приходится цепляться за них, чтобы не скатываться назад. Кто-то из мальчишек, видя, что мне трудно, спешит на помощь, забирая у меня фотоаппарат. На его лице была радость от того, что ему доверяют. По рассказам, еще несколько десятилетий назад мазар был совершенно недоступен паломникам из-за того, что он находится на обрыве. В те годы здесь на метеостанции работал какой-то немец по имени Эрик, который вместе с тогдашним настоятелем и расчистил тропинку, открыв, таким образом, путь к святыне.

Первый объект культа — родник. Холодная и прозрачная вода тонким ручейком течет по небольшой резиновой трубке, прикрепленной прямо к скале в узенькое углубление, откуда ручеек струится дальше. Родник — первый *кармат*¹ хазрата Алоу-ад-Дина. Когда преследуемый *кафира*’ми святой забрался на эту недоступную гору, было время дневной молитвы. Он не мог позволить себе молиться, не совершив предварительное ритуальное очищение (*тахорат*) водой. Тогда хазрат

¹ *Кармат* (араб. *карма*) в данном контексте подразумевает качества персонажа легенд и преданий, обладающего сверхъестественной созидательной силой, способной преобразовать облик мира. В этом смысле слово *кармат* можно перевести как «святое деяние», «чудотворение».

обратил свои взоры к небу, прося Всевышнего о воде для очищения. Творец услышал его молитву, что было видно по тому, как из сердца горы чудесным образом забила вода.

Ныне она струится в продолговатое массивное корыто прямоугольной формы, выдолбленное из части ствола дерева твердой породы. Загадка в том, что корыто никогда не заполняется водой: уровень воды в нем всегда на одной и той же отметке — немного ниже краев. И не видно, чтобы она каким-то образом протекала вниз. Эта загадка считается еще одним свидетельством каромата — святого деяния ходжи Алоу-ад-Дина.

Кажется, я понимаю, с чем этот феномен связан: корыто установлено в верхней части природной «трубки», по которой струящаяся из скалы живительная влага как по подземному каналу течет вниз по склону, выходя снова на поверхность где-нибудь далеко внизу у его подножия. В горных районах Центральной Азии это довольно часто встречающееся явление. Именно с этим связан ореол, который окружает многие святые места в этом районе мира. Я думаю, не является исключением из этого правила и речка, которая течет по краю кишлака Лангари Боло. По всему видно, что она берет свое начало из вторичного источника у подножия горы, который, в свою очередь, питается из родника, составляющего часть комплекса святыни ходжи Алоу-ад-Дина.

По рассказам, когда ходжа Алоу-ад-Дин совершил тахорат, он услышал голос с Неба: «Продолжай движение дальше». Стоило хазрату сделать несколько шагов вперед, как в светло-серой мраморной скале образовалась брешь в виде огромного грота (*камар*) с ровной площадкой в нижней части. Камар повторял форму купола культового здания мусульман (мечети) в разрезе. Небесными силами он был определен для совершения соратником Пророка полуденной молитвы. Этот грот верующими воспринимается как очередной каромат святого. Когда ходжа Алоу-ад-Дин закончил молитву, он услышал тот же голос: «Продолжайте идти дальше!». Ходжа подчинился. Вскоре перед ним открылся другой грот. Он был предназначен служить ему обителью. В ней он и прожил до конца своей жизни. Когда он умер, его похоронили тут же на площадке, перед гротом в тени дерева, обнаженные корни которого, цепляясь за камни, едва его удерживают. «Могильный холмик» — весь из камней.

Так образовался облик комплекса святыни ходжи Алоу-ад-Дина. Он трехчастный: родник и пара гротов. Последний из них служил святому обителью при жизни и местом его упокоения. В.А. Сазонов, рассказывая о некоем настоятеле мазара Ашуре, говорит, что он живет в гроте

более двадцати лет. Согласно автору этой публикации, однажды Ашуру приснился сон, что хазрат Алоу-ад-Дин явился к нему и поручил ухаживать за своей могилой. «Он пошел в душанбинскую мечеть и обсудил сон с муллой. Мулла сказал, что он должен идти к святой могиле, но сначала он должен жениться. Ему нашли жену <...>. После свадьбы он ушел жить в пещеру. Там он живет 10 месяцев в году, зимой он на пару месяцев возвращается к семье» [Сазонов 2007: 7].

У мазара ходжи Алоу-ад-Дина есть еще одна примечательная черта. Речь идет о нескольких камнях, расположенных по бокам гротов. По форме они напоминают человеческие фигуры, образованные путем длительного выветривания.

После посещения святыни в одном из красивейших уголков горного Таджикистана спускаемся вниз. Впереди — гробница хазрата Бурха. Подъезжаем к указанному выше канатному мосту через бурный поток Оби Мазор. Ныне он отремонтирован, хотя спуск к нему и следующий за мостом крутой подъем продолжают оставаться достаточно опасными. Оби Мазор — основной из двух притоков Хингоу — берет свое начало в массивах Дарвазского хребта. Этот хребет, возвышаясь, затем подходит к горному узлу, замыкая системы гигантских хребтов Дарвазского, Петра I и Академии. Дарвазский хребет дает мощный отрог, носящий название Мазарских Альп.

Долина Оби Мазор, на правом берегу которой в 20 км от ледника находится гробница мусульманского святого, зажата между самим хребтом и его отрогом. При описании этой долины Н.А. Кисляков отмечает, что «она тесна и мрачна. Ледники спускаются почти к самой реке» Оби Мазор [Кисляков 1934: 181]. Это один из самых отдаленных горных уголков Центральной Азии. Можно согласиться с В.А. Сазоновым: место, на котором стоит мазар, воистину чудесное. Облака разбиваются о горы, одна из которых шеститысячной высоты, и в районе мазара создается особый микроклимат. В.А. Сазонов свидетельствует, что «видел сильный ливень с грозой, буквально в десятке метров бушевала стихия, но на мазор не падало ни одной капли, и скоро появилась радуга» [Сазонов 2007:5].

Мы сходим с чудо-моста и оказываемся на правом берегу Оби Мазор. И вот первая информация: «В этом году на правом берегу к услугам паломников не четыре, а пять УАЗиков». Но выясняется, что все три единицы автотранспорта, из которых формируется первое звено «автопарка», неисправны. Поэтому нам придется до второго его звена идти пешком. И это при том, что у нас жертвенные лепешки, арбузы и прочее! К тому же день очень жаркий.

В конце концов, добрались мы до второго звена «автопарка». А там один «козлик». Водитель возится под ним, лежа рядом с карданным валом. Видно, что это надолго. «А где вторая машина?» «Уехала с паломниками к мазару». Значит, на нее рассчитывать не приходится, поскольку она, по установившемуся правилу, должна привезти паломников обратно, а водитель, раз уже поздно, вместе с ними уезжает домой в Сангвор. Все были опечалены этим известием. Я перевел дыхание и, обращаясь к остальным, сказал: «Пожалуй, я потихонечку пойду, а вы догоните меня, когда машину починят». Проводники согласились.

Я прошел километра полтора и услышал далеко сзади звуки тяжело работающего двигателя. Это мои проводники! Когда они догнали меня, я на ходу забрался на переднее сидение. Увы, наша радость длилась недолго. Вскоре мотор заглох, и машина встала среди камней. Водитель пытается наладить работу двигателя. И это ему удастся, хотя и не сразу. Трогаемся... Проехали, может быть, несколько сот метров, и машина опять встала. К великому нашему огорчению, на этот раз основательно. Я, как и до этого, отправляюсь в путь пешком. Прошел где-то около километра и вижу, что едет «козлик», на этот раз навстречу. И за рулем пустой машины я вижу сияющее лицо знакомого по прошлому году таксиста-проводника. «Кудратулло! Голубчик!» — почти закричал я от радости. Мы тепло поздоровались.

— Почему порожняком?

— Потому, что паломники, которых я вез к мазару, решили остаться там на три дня для очистительных обрядов.

Кудратулло спрашивает у меня про ходжи Биби Муродой, про ходжи Бахтиёра. Я рассказываю ему о возникшей ситуации. Не дослушав меня, он говорит: «Вы побудьте здесь, а я за ними». Сказав это, он уехал вниз и через некоторое время возвращается с моими спутниками.

За разговорами мы приближаемся к гробнице, вид на которую, как уже известно, открывается километра за четыре от крутого поворота. Собственно говоря, уже отсюда начинается первая ступень зиёрата верующими сакрального места.

Библиография

- Басилов В.Н.* Культе святых в исламе. М., 1970.
- Басилов В.Н.* Буркут-Баба // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. М., 1991. Т. 1. С. 195.
- Джойхой мукаддаси Тоджикистон* («Святые места Таджикистана»). Душанбе. 2005. Вып. 1.
- Ёкубов Ю., Мухаммадходжаев А.* Бурх кист ва мазори у дар куджост? (Бурх: Кто он и где находится его мазар?). Душанбе, 1986.

Кисляков В.Н., Решетов А.М. Крупный советский этнограф и музейевед Николай Андреевич Кисляков (к 100-летию со дня рождения) // ЭО. 2002. № 5. С. 108–120.

Кисляков Н.А. Бурх — горный козел (Древний культ в Таджикистане) // СЭ. 1934. № 1–2. С. 181–189.

Кисляков Н.А. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-Боло // Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН СССР. М.; Л., 1936. Т. 10.

Кисляков Н.А. Аловхона — «дом огня» у таджиков // Основные проблемы африканистики: К 70-летию чл.-корр. АН СССР Д.А. Ольдерогге. М., 1973. С. 88–94.

Писарчик А.К. Н.А. Кисляков // Этнография в Таджикистане: сб. ст. Душанбе, 1989. С. 5–8.

Сазонов В.А. Mazar Khazrati Burh. URL:<http://www.strannik.de/travel/burx.htm>.

Сказки и легенды горных таджиков / сост., пер. и комм. А.З. Розенфельд и Н.П. Рычковой: вступит. ст. А.З. Розенфельд. Сер.: Сказки и мифы народов Востока. М., 1990.

Сухарева О.А. Ислам в Узбекистане. Ташкент, 1960.

Рахимов Р.Р. Путь в пещерное погребение (Из полевого дневника 2007) // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. СПб., 2008. Вып. 8. С. 96–112.

Шехов А. Хазрати Бурхи Сармасти Вали. Душанбе, 2006.

Якубов Ю. Хазрати Бурхи Сармасти Вали // Чохордах мазор («Четынадцать мазоров»). Душанбе, 2001. С. 31–42.